

Мой отец — не мастак вспоминать о войне,
 Значит, было в ней нечто такое,
 Что сегодня тревожит и ранит вдвойне,
 А для нас непонятнее втрое.

И когда из окрестных домов пацаны
 Любопытством своим донимают,
 Он не в силах поведать им правду войны,
 Лишь кривится да слезы роняет...

Но тоске и слезам мы дадим окорот
 (Мало ль что на душе накипело!).
 В День Победы не митинг у нас — огород,
 Там позьмо уже к сроку приспело.

Знать, доныне воюет в душе ветеран,
 И слышны ему взрывы, бомбежки...
 На Девятое мая осушим стакан
 И как надо посадим картошку.

ТРИ СЕСТРЫ

Рожденным в парнике застоя
 жить нынче — дело непростое,
 но, как мой разум ни остер, —
 среди коллизий нашей жизни
 в ее глобальном катаклизме
 я вижу только трех сестер.

Они — не призрак, не химера,
 в них и спасение, и вера,
 и над судьбою нашей власть.
 Они изменчивы, летучи,
 и, как предгрозовые тучи,
 свою меняют ипостась.

Живешь-живешь и — в бездну канешь,
как в реку Гераклита — камень,
как в Лету тот же Гераклит.
Сестра Империя поманит,
сестра Провинция обманет,
сестра Планида — отрезвит.

Сквозь дали, времена и Космос
рука Провиденья несет нас —
то возвышает, то казнит.
Сестра Шатура приласкает,
сестрица Тула завлекает,
сестра Дзержинка приютит.

Но как щенки, почти слепые,
мы тычемся в сосцы пустые,
но вымя пусто и — болит.
Сестра Столица отвернулась,
сестра Держава навернулась,
сестра Россия все молчит.

И, чтобы как-то удержаться,
порой приходится хвататься,
как за соломинку, за быт.
Сестра Надежда напророчит,
сестра Карьера заморочит,
сестра Водяра — упоит.

Но все же есть такие сестры,
которые, как чудный остров:
и упоенье, и полет —
сестра Ирина улыбнется,
сестра Лариса встрепетается,
сестрица Вера — та поймет.

ИСТОК

Этих пасмурных дней шелковистый
и ласковый шелест
мне наскучил давно, и хотя без натуги терплю,
иногда вдруг в душе зарождается страх:
неужели
это путь в никуда, нисхождение жизни к нулю?

Поутру ворох желтой листвы у подъезда
напомнит
кипу старых бумаг, что вожу за собой как дурак,
с тех времен коммунальных,
с тех муторных дворницких комнат,
отказавшись поверить,
что все в тех тетрадах — мура.

Я бы мог прогреметь, будь чуть-чуть понаглей,
понастырней,
но не стал суетиться —
повесил на рот свой замок.
И все чаще влечет меня в старый тот парк
монастырский,
где Собор и родник знаменуют собою Исток.

ДЕД ФЕДОР

Скрипели ветлы, как полозья в декабре.
Обваливалась глина по откосам.

Дед Федор перед смертью подобрел
И отвечать стал бабам на расспросы.

Меж тем как сам он телом холодел.
Сказать о чем-то главном захотелось.

Племянница спросила: «Дед, а дед,
Сто лет ты прожил. Чай, уж надоело?»

Он был суров, но острое словцо
Всегда ценил дороже отговорки.

А тут вздохнул и просветлел лицом:
— Эх, внучка, как на санках съехал с горки.

СТАНСЫ

Утки уткнулись в стекло
Сонного озера. Тихо.
Светит под острым углом
Солнечная земляника.

Ждут караси и гольцы
Щуку, как деспот свободу.
От недостатка пыльцы
Бабочка села на воду.

Вечер глухой, как старик.
Стадо вошло по колено
В зыбкую воду, на миг
Ставшую бледной от пены.

Небо сошло с вышины,
Чтоб в тишине помолиться.
Здесь и видны и слышны
Богу — молитвы и лица.